

«ИЗНЫВАЮ В НЕИЗВЕСТНОСТИ...»

Письма М.М. Березовского С.Ф. Ольденбургу
из собрания СПФ АРАН*

(Вступительная статья, публикация
и комментарии М.Д. Бухарина)

Присоединение к Российской империи значительной части Средней Азии обусловило стремительное развитие целого ряда отраслей востоковедения. Россия в течение многих столетий поддерживала тесные контакты, прежде всего, торговые, с центральноазиатскими государствами. Во второй же половине XIX в. появилась возможность исследовать труднодоступные регионы, называвшиеся Восточным или Китайским Туркестаном (в противоположность Западному — Русскому). Экспедиции российских географов, геологов, биологов различных специализаций, которые *vollens nollens* становились и первыми историками края, — Ч.Ч. Валиханова в 1858–1859, П.П. Семенова-Тян-Шанского в 1856–1857 и 1888, Н.А. Северцова в 1857–1858, 1865–1868, 1877–1879, Н.М. Пржевальского в 1871–1872, 1876–1877, Пржевальского и В.И. Роборовского в 1879, 1883 и 1888 гг., самого Роборовского в 1893–1895, И.В. Мушкетова в 1874–1880, М.В. Певцова в 1878–1879, 1889–1890, А.Э. Регеля в 1878–1879, Г.Е. Грум-Гржимайло в 1889 гг., а также ряд других, предварили деятельность археологов¹: в практической плоскости вопрос об организации российской археологической экспедиции в Восточный Туркестан был поставлен С.Ф. Ольденбургом в октябре 1891 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества (ВО РАО)². Задачи по изучению истории изучаемого региона ставились Русским географическим обществом, наряду с ВО РАО с сер. XIX в. отправлявшим свои экспедиции на изучение Центральной Азии в целом и Восточного Туркестана в частности³. При поддержке как научных обществ, так и «власть предержащих», прежде всего, российских консульств в Восточном Туркестане⁴, российские археологи внесли огромный вклад в изучение Восточного Туркестана.

* Публикация подготовлена в рамках работы над проектом РГНФ «Становление и развитие российского востоковедения в свете новых документов из архивных собраний РАН и РГБ» (№ 12-01-00097); искренне благодарю директора Санкт-Петербургского филиала архива РАН (СПФ АРАН) д.и.н. И.В. Тункину за радушное гостеприимство и оказанное содействие в работе.

Значительную роль в исследовании прошлого Центральной Азии сыграл Михаил Михайлович Березовский (1848–1912) — крупный зоолог и археолог-искусствовед. Часть его научного и эпистолярного наследия, хранящегося в архивах СПФ АРАН, Института восточных рукописей РАН⁵ и Государственного Эрмитажа, остается неизданной⁶. Не существует и надежных публикаций, в которых бы жизнь и деятельность М.М. Березовского рассматривалась во всей полноте⁷. Даже в академической «Истории отечественного востоковедения» личности Березовского не уделено ни строки, а в качестве подробного отчета о «жизни и деятельности» Березовского указываются⁸ две страницы из общей работы по истории географии в России⁹.

В этой связи нельзя не приветствовать стремление современных исследователей довести его работы до печати, хотя бы и спустя столетие после их составления¹⁰. С другой стороны, тем большую ценность обретают письма Березовского, так как в них содержится информация, на основе которой обычно строятся археологические публикации: подробные описания, планы, прорисовки и т.д. В печатной форме отчет о деятельности экспедиции не выходил; он был сделан Березовским устно на заседании Академии наук 6 марта 1909 г.¹¹.

Ниже публикуется часть переписки М.М. Березовского с С.Ф. Ольденбургом из собрания СПФ АРАН (ф. 208, оп. 3, ед.хр. 53, 17 л.). Она состоит из шести писем и одной телеграммы, отправленных из Ташкента и Кучи¹² и датированных 1905–1906 гг. Это собрание не исчерпывает всей корреспонденции между Березовским и Ольденбургом; в архивных делах СПФ АРАН должны храниться и другие письма, относящиеся к ней. Так, ранее из переписки Березовского и Ольденбурга был процитирован небольшой фрагмент письма от 18/31 октября 1906 г.¹³, отправленного из Кучи. Оно включено в иную единицу хранения того же фонда (ф. 208, оп. 3, ед.хр. 718, л. 1). Следовательно, собрание писем Березовского к Ольденбургу выходит за рамки одной единицы хранения в фонде Ольденбурга. Сам Березовский жалуется своему адресату в письме от 26 мая 1906 г. на то, что ответных писем он не получал. В фонде Ольденбурга СПФ АРАН также нет ни этих писем (возможно, неотправленных или неполученных вернувшихся), ни черновиков.

Березовский публиковал результаты своих исследований крайне неохотно — «Письмо и каторжная работа для меня почти синонимы», — признавался он академику С.Ф. Ольденбургу в недатированном письме — № 6¹⁴. Это в частности, приводило к тому, что даже в университетских и академических кругах и личность его, и деятельность были весьма малоизвестны. Так, крупнейший географ и этнограф — современник Березовского — Д.Н. Анучин — академик с 1898 г., а с 1907 по 1921 г. директор Музея антропологии Московского университета, длительное время питавший глубокий интерес к истории Восточного Туркестана и сам написавший ряд работ по данной тематике¹⁵, ничего не знал о Березовском. В письме к С.Ф. Ольденбургу от 18 ноября 1907 г. он пишет: «Мне бы хотелось иметь некоторые сведения об экспедиции Березовского, т.е. когда была отправлена, сколько потребовала средств, кто такой Березовский (имя, отчество, положение и пр.), сколько времени продолжалась, где производила исследования, какие результаты (рукописи, вещи, рисунки, кальки), куда поступили, как и где бу-

дуг обработаны. Не было ли еще каких изысканий?...»¹⁶. Нельзя сказать, что положение принципиально изменилось и в наше время. Об этом говорит следующее признание: «The largest amount of Kuchan manuscripts is presented in the M.M. Berezovsky collection brought to St.-Petersburg from his expedition to Kuca in 1905–1907. The name of this scholar comes first here — only a few scholars know it in the West, though he had been working in Kuca simultaneously with Paul Pelliot...»¹⁷.

Адресатом публикуемых писем Березовского из собрания СПФ АРАН (ф. 208, оп. 3, ед.хр. 53) является Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — выдающийся российский ученый-востоковед (в первую очередь — индолог) и организатор науки, академик (с 1900 г.), на момент переписки — уже Непременный секретарь Петербургской академии наук (с 1904 г.), Российской АН (с 1917 г.), АН СССР (1925–1929), Министр народного просвещения (июль–сентябрь 1917 г.)¹⁸. Ольденбург и сам стоял во главе двух экспедиций, организованных на средства «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (далее — Русский Комитет¹⁹) — в 1909–1910 и в 1914–1915 гг. Организованный в 1903 г. Русский Комитет являлся составной частью Международной ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии (Association Internationale pour l'Exploration Archéologique et Linguistique de l'Asie Centrale et de l'Extreme Orient; Central and East Asia Exploration Fund), созданной по инициативе В.В. Радлова на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в октябре 1899 г., и являлся центральным органом Ассоциации. Следующий конгресс, состоявшийся в сентябре 1902 г. в Гамбурге, утвердил положения, одобренные ранее в Риме.

Участники экспедиции Русского комитета под руководством Березовского отправились из Петербурга 2 ноября 1906 г. работы, были закончены в декабре 1907 г.²⁰. Исследовательская деятельность М.М. Березовского, отраженная в письмах к С.Ф. Ольденбургу, совпала по времени с пребыванием и бурной активностью участников Второй и Третьей Прусской Императорской Турфанской экспедиций (декабрь 1905–июнь 1907 гг.)²¹ под руководством Альберт фон Лекока²² и Альберта Грюнведела²³. Их коллегой по полевым работам был упоминаемый в переписке Теодор Бартус²⁴. Впечатляет маршрут немецкой экспедиции и, соответственно, ареал, охваченный ее деятельностью: Кашагр — Тумшук (январь 1906 г.) — Кизил — Куча — Кумтура (февраль 1906 г.) — Кизил, Кириш (февраль–май 1906 г.) — Корла, храмовый комплекс и пещеры Шорчук — Турфанский оазис (июль 1906 г.) — Урумчи — Хами — Тойук-мазар (январь 1907 г.) — Шорчук (февраль–март 1907 г.) — Турфан с возвращением через Урумчи (апрель 1907 г.). Активность немецкой экспедиции и столкновения, обусловленные нарушениями Немецкой турфанской экспедицией условий заключенных соглашений, вызвали тот эмоциональный фон, в который окрашены письма российского исследователя. Настроение Березовского в письмах при описании деятельности немецких исследователей раздраженное, но в целом фаталистически примирительное. Фон Лекок же сообщает, что дело чуть не дошло до применения огнестрельного оружия²⁵.

В письмах Березовского Ольденбургу не только обсуждаются чисто научные или организационные вопросы. Березовский поднимается в, казалось бы, частной переписке до более глобальных проблем: научной и дипломатической этики, раз-

личий в отношении к культурному наследию, необходимости не только его изучения, но и сохранения. Его письма, особенно последнее, полны болью за утраченные, порой по досадному недоразумению, памятники, переживанием из-за варварского отношения современников, и наделенных высшим образованием, и получивших утонченное воспитание, к окружающему миру. Горестно ему было осознавать, что и сделать-то против напора грубой силы он ничего не в состоянии, даже послать письменный протест относительно условий работы экспедиций оказалось не так-то просто. Публикуемая ниже корреспонденция не просто передает сведения научного характера; она являют собой образец мужественного служения науке, любви к истории Центральной Азии, честного и добросовестного исполнения своего научного и общечеловеческого долга.

№ 1 (л. 1)

[Оренбург. 8. XI. 1905]

Многоуважаемый Сергей Федорович.

До Оренбурга добрались благополучно в ночь с 6-го на 7-е. Задержались лишь около Пензы часов на семь, по случаю порчи пути. По одной версии, путь размыло необыкновенным ливнем, бывшим накануне (ливень был и в Оренбурге), по другой — путь разрушили злоумышленники. Из Оренбурга выезжаю завтра 8-го числа утром. Можно было бы ехать и сегодня, но с товаропассажирским поездом, который идущий завтра почтовый поезд — перегоняет в дороге. Багаж тоже едет со мной. Не откажите, С[ергей] Ф[едорович], и в этом году, как Вы делали раньше, похлопотать о пенсии Василию Александровичу Ошуркову²⁶ на будущий год. Он только и существует пенсией. Адрес его: Пески, Рождественская улица № 16, кв. 16. Прошу передать мой привет Василию Васильевичу²⁷, которого, благодаря его болезни, я не мог увидеть перед отъездом.

Ваш Березовский

№ 2 (л. 2–3об.)

Ташкент, 4 Дек[абря], 1905

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Вероятно, недоумеваете, не получа от меня никаких вестей? Сегодня ночью 24-ю ночь в Ташкенте и только сегодня собрался написать Вам, так как до сего дня не мог написать ничего определенного. Завтра утром уезжаем в Ош на арбах²⁸ и будем там вероятно²⁹ на 7-й или 8-й день. Сначала несколько дней в Ташкенте задержали из-за мусульманских праздников, а затем из-за дорожной обстановки. Военное начальство вздумало взять железную дорогу в свои руки и отправило один поезд 29 числа. Я не захотел ехать с первым пробным поездом, а 2^й были назначены на 1 Декабря, но [он] не ушел из-за схода с рельс одного вагона, загородившего путь в паровозному

депо. Затем хотели отправить 2-го и 3-го, но тоже не отправили, потому что один паровоз сошел с рельсов, а другой не могли подать из-за загорождения пути. Вчера, наконец, ушел поезд в 11 часов ночи, но перед самым отходом была получена телеграмма, предупреждающая пассажиров, едущих на Андижан, что в Черняево³⁰ (где пересадка на Андижан) или придется прождать не менее 3-х дней. Я несколько раз ездил на вокзал, наконец, взял билеты, поместился со всем своим багажом в вагоне, переночевал в нем ночь, но после этой телеграммы снова выгрузился и получил обратно деньги. В одном вагоне с нами оказался некто Г. Орлов, бывший учитель, живущий постоянно в Оше, к которому у меня было рекомендательное письмо, и Г-жа Зайцева, жена уездного начальника в Оше, к которому у меня тоже было рекомендательное письмо. Ввиду полной неизвестности, сколько времени придется жить в Черняево, мы решили вместе ехать в Ош на арбах. Сегодня арбы были наняты, нагружены, и завтра утром, наконец, мы едем. Хотя невольная остановка почти на месяц крайне неприятна и стоила порядочных денег, я утешаюсь тем, что нет худа без добра. Почти с самого момента приезда в Ташкент (11 ноября вечером), я захватил жестокую инфлюэнцу с жаром, ознобом и сильным бронхитом. За 24 дня я ее выносил и теперь почти совершенно здоров, хотя и не избавился еще от кашля.

Из Оша на Кашгар³¹ в это время года лишь один путь через Терек дабан³². Этим путем идут и все караваны. Пути на Талдык³³ закрыты давно. В Оше, говорят, легко нанять вьючных коней, и от Оша до Кашгара можно пройти в 2 дня.

Был у Ник[олая] Федоровича Петровского³⁴, который принял чрезвычайно любезно. Письма от Вас он не получал. К сожалению, мог побывать у Петровского только раз, с поезда — помешала болезнь. О том, когда мог приехать Грюнведель, ни от кого узнать не мог; у Петровского он не был.

В Ташкенте нанял по рекомендации переводчика сарто³⁵. Дорого: 40 рублей в месяц; дешевле, говорят, по нынешним временам никто не поедет. Каков он, пока судить не могу. Кажется, порядочно глуп, но, может, не будет вором.

В Ташкенте я снарядился почти окончательно. В Оше придется купить лишь вьючные сумы, да, может, куплю 2^х—трех верховых коней, так как в это время ломовые, говорят, тоже дешевы.

О Ташкенте не хочу писать, хотя исторические события были здесь: бунт резервного ташкентского батальона, бомба, брошенная в полицеймейстера и испортившая ему только пальто, арест 10 или 12 агитаторов, причем представитель железнодорожных рабочих не то улетел на воздушном шаре, не то уехал на дрезине и т[ак] д[алее] и т[ому] под[обное]³⁶. В общем, все напоминает больше оперетку, хотя немножко с кровушкой.

Прошу передать мой привет Василию Васильевичу³⁷, Дмитрию Александровичу³⁸, Алек[сандру] Васильевичу³⁹ и другим.

Написал из Оша

Березов[ский]

№ 3 (л. 4–5)

14 января 1906 г. Кашгар

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Добрался до Кашгара 30 Декабря, на 12 день по выезде из Оша. Дорога довольно сносна. Вообще путь через Терек дабан скверна по естественным условиям, но зимой он лучше, чем в другое время года. От непогоды и мороза не терпели. Дня два шел снег, но небольшой, а порядочные морозы (град[усов] 25–27 С. по ночам) встретили лишь на Кашгарской покати.

Из Кашгара выезжаю завтра в воскресенье 15 января. Нанял две телеги (3^х конных) для багажа до Кучи за 40 сар, т.е. почти за 100 р[ублей]. На телегах до Кучи 22 дня пути, но я условил на 26 дней с правом на 4 дневки по моему усмотрению.

В Кашгаре засиделся так долго по разным причинам. Приехали под Новый год, и надо было проводить праздники. Затем, по мнению Консула⁴⁰, необходимо было сделать визит Дао-таю⁴¹. Сначала Консул захворал, затем приближался китайский Новый год и Сегодня 2-го китайского числа я был, наконец, у Дао-тая.

Здоровье мое, в общем, сносно, но на нем всегда неблагоприятно отражаются остановки. Ташкентский бронхит я довез до Оша совершенно на исходе, где его снова подхватил. Из Оша я опять довез его на исходе до Кашгара, где еще раз подновил. Эти подновления результат того, что приходится переодеваться в европейское платье, в котором принцип вентиляции и даже сквозняка проведен с европейской последовательностью. То же самое и с экземой, только не от платья, а от обычаев. В пути она, несмотря, по-видимому, на самые неблагоприятные условия, почти совершенно исчезает. Но как только попадаем к русским, где приходится обязательно есть раза по три в день, и ложиться в полночь — снова усиливается. Утешаюсь тем, что вперед не встречу больше соотечественников, и не предстоит ни маскарадного переодевания, ни обязательного засорения желудка.

Грюнведель прожил в Кашгаре около месяца по болезни (что-то вроде воспаления мочевого пузыря)⁴², а Лекок и Бартус, проезжавший ему навстречу⁴³, — более 1½ месяцев. Уехали 17 Декабря, Грюнведель — в телеге, а остальные — верхами. Всего у них 6 телег. Слышал, что намеревается остановиться на некоторое время в Уч-Турдюке⁴⁴.

На русскую колонию немцы произвели, кажется, не особенно благоприятное впечатление, в особенности Лекок, у которого с Консулом было даже небольшое столкновение. За обедом, в присутствии всей русской колонии, Лекок, по какому поводу — не помню, рассказывал, как в Берлине или ином месте Дм.А. Клеменц⁴⁵ выразился про русское правительство, что это Шафскопфы⁴⁶. Консул Лекока остановил, и разговор на эту тему прекратил⁴⁷. На некоторых патриотически настроенных членов колонии рассказ Лекока произвел впечатление и вооружил их против Д[митрия] Ал[ександровича], которого они не знают, но по фамилии считают на немца.

Русская колония в Кашгаре довольно значительна. Консул с женой и его помощник подполковник Генерального штаба (Ласточкин)⁴⁸, некто вроде военного агента с кузиной; таможенный чиновник и его помощники с женами; командир конвоя (60 семиреченских казаков) с женой и 6 человек, служащих в Русско-китайском банке. Из англичан только агент индийского правительства Маккартней с женой⁴⁹. Кроме того, человека 4 шведских миссионера и один католический ксендз.

От подполковника Ласточкина я приобрел несколько мелочей, выкопанных в Попонаке⁵⁰ (есть на карте Штейна⁵¹), полученных им от хотанского аксакала. Они состоят из маленькой сердоликовой печатки с головой (довольно грубой работы), 2 миниатюрных медных кувшинчиков, десятка полтора монет и резной ажурной из аспидного камня в вершок величиной капительки с 4мя сидящими буддами. У Ласточкина остались еще маленькая печатка и изображение зайца, из розового камня, может, и рубина. Я снял оттиск.

Прошлым летом Попонанг посетили американцы Баррет⁵² и Хентингтон⁵³ и, кажется, производили раскопки. Они приехали через Ладак⁵⁴ и уехали через Внутренний Китай. Они провели лето и уехали в Хоронгутаг⁵⁵ и интересовались, по-видимому, главным образом золотыми приисками.

Перевести мне деньги в Кучу довольно легко — в Кашгаре есть отделение Русско-Китайского банка. Получив перевод на мое имя, банк и Консул переведут эти деньги в Кучу, где есть несколько русских подданных купцов и торговый старшина или аксакал. Купцы, нуждаясь в русских деньгах до расплаты за товар в России, могут мне уплатить в Куче местной монетой с тем, чтобы получить в Кашгаре русскую. Это тем легче устроить, что Куча и Кашгар соединены телеграфом. Управляющий кашгарским отделением Русс[ко]-Кит[айского] банка Гаммербек очень милый и обязательный человек. Он и Консул обещали мне все устроить.

Простите за мазню. Прошу передать привет Васил[ию] Васил[ьевичу], Дм[итрию] Алекс[андровичу] и всем знакомым.

Ваш Березовский

№ 4 (л. 6–7об.)

19 Февраля [1]906 [г.]. Куча. 10 ч[асов] утра

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Сейчас узнал, что через час можно отправить письма в Кашгар, потому пишу наскоро. До Кучи добрался 6 Февр[аля] в 21 переход, кроме того, продневал в Бае и в Кизыле; в последнем по случаю смерти рабочего хозяина арб. 80-летний старик, он хворал всю дорогу и, наконец, в Кизиле утром не проснулся.

Немцы проехали месяцем раньше меня и жили в кишлаке Коктура, верстах в 25–30 к S.⁵⁶ от Кучи. Отсюда до Мин-уй (тысяча пещер) всего часа 1½–2 пешком. Пещеры расположены в обрывах песчаника, главн[ым] обра-

зом на левом берегу реки, в том месте, где она выходит из гор. Река эта — соединенные Мизарт и Кизил дарья. К моему приезду немцы работы закончили и дней 5 тому назад уехали в Кизил, где тоже есть пещеры. Грюнведель работой недоволен. Года три тому назад здесь основательно копались японцы⁵⁷ и все пообчистили. Японцы прожили в Кучинском округе месяца 4, побывали и покопались везде. Говорят, вывезли очень много манускриптов, и на долю немцев в Мин-уй попался лишь один листок брахми.

Пещеры в жалком состоянии. Фрески частью испорчены, частью обвалились. Грюнведель говорит, что три года назад, когда он был здесь, все было почти в полной сохранности. Немцы фресок взяли всего 2–3 штуки. Снимать их здесь очень трудно, а большей частью и невозможно, т[ак] к[ак] они нарисованы на тонком слое штукатурки, лежащей прямо на камне. Грюнведель срисовал на кальку штук 30–40 фресок. Рисунки мне показывал — они очень хороши. По его словам, рисунков индийского стиля — мало; много — в которых видно персидское влияние, и еще больше — китайского стиля.

Я был в Коктуре накануне отъезда оттуда немцев. На другой день ездил в Мин-уй с Портом⁵⁸, показавшим мне места, где они работали. Грюнведель и его спутники приняли меня чрезвычайно любезно, даже Лекок при личном знакомстве произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем по рассказам. Из всей колонии это, по-видимому, самый деятельный и толковый (не считая Грюнведела, который, по верному замечанию Колоколова⁵⁹, «не от мира сего»).

В Куче я нанял отдельный домик (почти за городом за 4 р[убля] в месяц) и здесь будет моя главная квартира и фотогр[афическая] лаборатория. Собрать много вещей после японцев и немцев — мало надежды. Тем не менее, работы, может, неблагодарной, но необходимой, здесь много. Это съемка планов развалин и пещер⁶⁰. Все это разрушается людьми и временем. Пещеры не тронутые и засыпанные землей — сохраняются бесконечно долго. Но, раз их очищают, они быстро приходят в разрушения. Одна пещерка, которую дня два тому [назад] очистил Порт, уже обвалилась. Я думаю, что года через 2–3 большинство мин-уйских пещер придет в самое жалкое состояние.

В Куче довольно большая колония русских подданных (сартов и татар) — семей 80. Аксакал Хал — магомет[янин], маленький бойкий старичок, живет в Куче около 30 лет⁶¹. По-видимому, это очень хороший человек. Я много рассчитываю на его содействие. Он обещает показать мне все развалины в Куне-торы, которые ему только известны. Некоторые из них, по его словам, никем не тронуты. Но это развалины, которые надо раскапывать. Нетронутых же пещер⁶² — кажется, нет.

Погода стоит ясная. Днем довольно тепло (до + 10°), ночью — не холодно. Чувствуется приближение весны: попадают живые [нрзб.], но почки деревьев едва начинают набухать.

Здоровье мое сносно.

Ваш Березовский

№ 5 (л. 8–14об.)

26 мая 1906 г.
Куча.

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Давно не писал. Помнится, последнее письмо было вскоре по приезде в Кучу. Здесь я задержался более, чем хотел, из-за экземы. На этот раз поганая болезнь поразила, и с особенной силой, то «место роковое, опасное во всяком бое»⁶³, за которое дьяволу удалось ухватить архангела в Гаврилиаде. Эта оказия не позволила ни ходить, ни ездить верхом и задержала меня в Куче недели на три. Сел на диету. Третий месяц не ем мяса; отказался даже от всякой желудочной поэзии в виде приправ: луку, чесноку, перцу и др. Это самое тяжелое. Хороший сон, простой и голодный режим желудка, и дело быстро идет на улучшение. Стоит недоспать, или поволноваться, или даже только поесть всласть и — наступает ухудшение. Теперь у меня нет ни одного экземного пузырька на всем теле и мог бы сказать, что окончательно поправляюсь, если бы по опыту не знал, как эта капризная, подлая болезнь может с удвоенной силой возобновиться от каких-либо пустяков.

Немецкая экспедиция, бывшая у меня все время бельмом на глазу, накануне, 10 мая, уехала в Турфан⁶⁴. Дело не обошлось благополучно и стоило волнений.

Для меня было неожиданностью найти в Куче не только Грюнведеля, а всех немцев, и узнать, что это «Турфанская экспедиция», главенство в которой от Лекока с приездом Грюнведеля перешло к последнему. Когда я приехал, немцы были в Кумтуре⁶⁵. Прошла неделя, пока я устроился, и собирался к Грюнведелю, когда приехал Лекок и сообщил, что экспедиция закончила работу в Кумтуре и на днях, может даже завтра, возвращается в Кучу. Он советовал в тот же день съездить в Кумтуру, чтобы застать там Грюнведеля. Мы поехали вместе. Я переночевал в Кумтуре, а утром немецкая экспедиция направилась в Кучу. Я с Портом ездил осматривать Мин-уй, а оттуда — тоже в Кучу. На другой день экспедиция уехала в Кизил. Таким образом, я провел с Грюнведем лишь вечер в Кумтуре, а на другой день видел только мельком среди сборов к отъезду.

С самого моего приезда в Кучу поведение Турфанской экспедиции меня немного беспокоило. Я слышал, что Лекок ездил по округу, был в Шаяре⁶⁶ и Тонгуз-баше⁶⁷ и послал свих людей в другие места. Это имело вид, что экспедиция искала пригодное для работы место. Хотя тут могла быть и просто любознательность. Отъезд в Кизил тоже показался мне странным, хотя, конечно, Кизил Байского, а не Кучинского округа. Я не знаю, в каких выражениях состоялось соглашение между Германским и Русским Комитетами⁶⁸ и находил странным, но не считал невероятным, что в соглашении округа понимались в узком, современном, административном значении. Во всяком случае, я решил выяснить положение дела и переговорить с Лекоком, который на некоторое время остался в Куче⁶⁹. Я навел разговор на соглашение

между Комитетами и по этому поводу рассказал Лекоку, каким образом устроилась поездка Грюнведеля в Кучу. Лекок очень удивился. Он говорил, что думал, что Грюнведель получил от Русского Комитета разрешение работать вообще в Кучинском округе. Он объяснил это тем, что Русский Комитет не имел средств послать свои экспедиции. Говорил, что был сбит с толку моим приездом. Лекок просил разрешения передать наш разговор Грюнведелю; — чего я только и желал.

Поправившись, я уехал 14 марта сначала в Ташкент, а затем в Кумтуру, откуда вернулся в Кучу лишь вчера. О немцах я несколько раз слышал, что они все еще в Кизиле. 1-го мая Николай⁷⁰ ездил в Кучу и привез известие, что Турфанская экспедиция вернулась при нем и сейчас же опять уехала в Кириш⁷¹, где есть Мин-уй, верстах в 20 от Кучи. Это меня ошеломило. Я много волновался и решил вручить Грюнведелю формальный протест. В Куче нашел Лекока, подтвердившего, что экспедиция в Кирише снимает фрески. Я передал протест Лекоку с просьбой передать Грюнведелю. Прилагаю копию протеста, ответное письмо Грюнведеля и мой ответ на это письмо⁷².

Поступил ли я худо или хорошо — не знаю. Судите Вы. Знаю только, что поступил сообразно с моим темпераментом. Выше ушей не прыгнешь, и от себя не уйдешь. Грюнведель пишет, что, если бы я предупредил его раньше, то он не поехал бы и в Кизил. Но с какой стати напоминать людям о том, что они сами должны знать и понимать? Это все равно, что предупреждать, что сморкаться в салфетку и класть ее карман — не принято. Или как делали в гимназии, давая книгу на прочтение: возьми, брат, читай, только не зажиль. Знаю, что в практической жизни такие напоминания часто не бесполезны. Знаю также, что, например, Энтомологический музей Академии наук или даже Публичная библиотека прекрасно обворовывались господами учеными, поступавшими всегда *bona fide*⁷³: т[ак] к[ак] они полагали, что в их руках предмет принесет большую пользу для науки. Знаю все это, но что прикажете делать, если не поворачивается язык?

В Петербурге я предполагал, что, приехав в Кучу, объезжу сначала весь округ для составления карты. Думал даже начать с юга, с Шаяра, чтобы воспользоваться прохладным временем и переехать на север лишь в середине лета. Я изменил этот план. Все пещерные общежития — Минг-уй⁷⁴ с остатками живописи находятся на севере в горах. Все они в таком состоянии разрушения, и оно идет так быстро вперед благодаря геологическим причинам, местным жителям, выкалывателям глаз и цивилизованным исследователям, снимателям фресок, что дело, не терпящее отлагательства, сохранить фотографией и калькой то, что исчезнет безвозвратно в самом непродолжительном времени. Поэтому я решил, прежде всего, использовать художественный талант Николая, уезжающего в июле, и 60 квадр[атных] метр[ов] кальки, взятой с собой.

Из Кучи я выехал 14 марта и направился на запад в небольшой Минг-уй, известный под именем Тачжитского, не посещенный еще ни японцами, ни немцами. Это по-видимому, самый западный Минг-уй Кучинского округа, от

города, примерно, в 60 верстах. Ехал на Кумтуру, хотя это не самая короткая дорога. На середине пути от Кучи до Кумтуры — развалины Кош-туры (Двойной туры), до которой пустынная лѣсовая равнина, покрытая галькой и, местами, песком. От туры начинается орошаемая земля. Кум-тура — верстах в 20 от Кучи и верстах в 3^x от гор и от выхода из них Музарт-дарьи. Здесь, на расстоянии не более $\frac{3}{4}$ версты от гор, берут начало все устаны (головные арыки). На левой стороны дарьи их 5, а на правой 2. Из последних — Юлдусбайский берет один, как говорят, половину реки. Куча получает воду не из Музарт-дарьи, хотя там есть, конечно, один арык и отсюда. Около Кумтуры (которая на левой стороне) переезжают дарью. Когда я ехал, вода была по брюхо лошади. Потом, когда пустили арыки, воды едва хватало по колено. В мае вода то прибывает, то убывает, в зависимости от дождей в вершине. Часто она похожа не на воду, а на шоколад. Наибольшей высоты вода достигает в июне и июле, когда переезд в брод часто невозможен. К сентябрю она спадает, и рекостав, кажется, бывает опять при большой воде. За рекой дорога идет на Ю[г] S., вдоль гор, на расстоянии от них не более 10 верст. В ясную погоду они все время прекрасно видны. Но, когда воздух насыщен пылью, как в то время, когда я ехал вперед, можно проехать, и не подозревая о их существовании. Горы состоят из более или менее круто поставленных свит песчаников и галечных конгломератов. Они совершенно лишены растительности и достигают, по-видимому, 2^x, 3^x тысяч фут[ов] или даже больше относительной высоты. Дорога идет целым рядом кишлаков, известным под собирательным названием Юлдусбая, хотя каждый из них имеет и собственное название. Кишлаки — это оазисы по арыкам, отделенные друг от друга саями (логами), часто заболоченными, и пустырями с песчаными барханами. Юлдус-бай и страна к югу, к Тариму, была некогда очень густо заселена. Мне известно уже около 20 названий одних городищ, не считая Тур, которых очень много. Да и теперь правая стороны дарьи — самая богатая часть Кучинского округа. Я поехал в самый западный кишлак — Турпак-магала, где и базар⁷⁵. Отсюда до Тачжита верст 20. Отдельные усадьбы на концах арыков тянутся еще верст на 5 к S⁷⁶. Прежде оконечности арыков шли дальше. В версте от последней усадьбы — развалины Шаоелыка⁷⁷, а еще немного дальше — Султан-шаара. Обе квадратные крепосцы со стенами в 50–60 саж⁷⁸. Далее идет лѣсовая пустыня изредка с песком и барханами. Она покрыта сначала скудной, а затем более мощной зарослью саксаула. Это чжангаль, из которого теперь пользуются дровами и который в былые времена давал топливо для выплавки меди, руда которой, по-видимому, повсюду встречается в горах. Следы старинных плавов в виде куч красного и черного шлаков часто встречаются у подножья гор. Не доезжая версты 2 до последних, пересекаешь гряды песчаных барханов. За нею саксаул почти исчезает и местами появляется камыш и солончак.

Тачжит — это якуббековский караул, расположенный у самого подножья гор и назначенный для охраны дороги, идущей от Кучи, вдоль гор, на Кара-юлгун⁷⁹. По ней теперь, как говорят, никто, кроме воров, не ездит, так

как здесь нет воды. Караульщики из кишлаков, однако, все-таки сюда выезжают. Относительно названия Тачжит рассказывают, что давно, лет сто или больше назад, какой-то ишан⁸⁰ велел своему супи, тачжику из Бухары или Каражечина рыть здесь колодец и запретил смотреть на воду, если она потечет. Супи докопался до воды, которая потекла, но он нечаянно взглянул, и она перестала течь. Этот супи тачжик долго жил в этом месте шант ([нрзб.] могила), и ему приписывают и колодец, и посадку нескольких деревьев, растущих около.

Близь самого караула развалины буддийского храма и пещера, а верстах в 5 к западу и Минг-уй. Если в ясную погоду смотреть из Тачжита на юг, то верстах в 10 или меньше видна светлая возвышенная полога, вроде террасы реки. Это даванг кум⁸¹, страна засыпанная песками, где, говорят, целых 2 города и несколько тур. Даванг кум — излюбленное место кладоискателей⁸², выезжающих туда из Юлдус-бея после буранов.

Буддийский храм или храмы, так как их было не менее 3^x, стоит на обращенной к горам, северной, стороне четырехугольной замкнутой насыпи или вале, возвышающимся над равниной сажени на 1½ или даже больше. Внутри вала совершенно ровное пространство. Никаких ворот нет. В одну линию с храмами, но вне замкнутой насыпи, тянется на запад саж[ень] на 15 в виде крыла на ней также вал. На нем развалины небольших саманных построек в крайне разрушенном состоянии. На замкнутом валу были, вероятно, еще деревянные постройки, судя по кучам угольного мусора, встречающегося здесь. Храмы из саманного кирпича на деревянном каркасе тоже были сожжены и обрушились. Они представляют небольшие комнаты с выходами на юг, со столбом на противоположной выходу стороне и с коридором вокруг нее. Кладоискатели повсюду копались ямками. Со мной было 3 человека рабочих. Покопали немного, и я и откопал один, самый западный, храм. Пол был залит гипсом в ¾ дюйма⁸³ в задней комнате или коридоре, на узкой полоске около столба заливки не было. Очевидно, тут прямо на земле лежала деревянная подкладка для перил, залитая потом до половины гипсом. Стены были покрыты фресками, от которых остались лишь следы краски. В передней комнате — обломки большой глиняной фигурки, слившейся благодаря сырости с окружающим мусором и землей. В задней комнате тоже много обломков мелких фигур, среди которых более или менее сохранились 2–3 глиняных головки. В храме рядом [нрзб.] я тоже немного покопал, нашел и обрывок, вершка в 3 дюйма⁸⁴, от листа книги.

Вал с храмами расположен на равнине. Сейчас же начинается предгорная терраса, постепенно возвышающаяся на с[евер] и к в[остоку] размытая оврагами. На возвышенности между ними в нескольких местах развалины небольших построек в крайнем состоянии разрушения. В одной, где сохранились лишь основания стен и гипсовый пол, в тонком слое мусора на нем (тут копались кладоискатели) нашлось довольно много обрывков шелковых материй. По бокам оврагов были и пещеры. Они большей частью обрушились и засыпаны землей. Я откопал еще одну или лишь заднюю стенку пеще-

ры, в которой ничего не нашел. Немного выше по оврагам (их 3 или 4), в 2 местах, отдельно торчащие глыбы песчаника были, по-видимому, некогда искусственно отделаны в форму небольших холмообразных ступ. Довольно высоко в горе, против храмов, небольшая пещерка. Туда ходил Николай. Она была украшена фресками, от которых остались лишь следы. Очевидно, здесь старое пепелище, где спасалось и молилось много поколений буддистов. Пещеры, кроме пещеры в горе, вероятно, очень древни. Может быть, они изжили свой век и начали разрушаться, когда еще жив был буддизм. Наземные же постройки более позднейшего времени и были захвачены мусульманской волной в период полного продвижения [нрзб.].

Тачжинский Минг-уй находится верстах в 5 к западу от караула. Он расположен в предгорье или в первой кулисе гор, которая идет от Кумтуры, то возвышаясь, то понижаясь, или даже прерываясь и оканчивается не более как верстах в 2 к западу от Минг-уя. И другие кулисы или гряды гор, кажется, не заходят дальше на юг. Дорога в Кара-юлгун проходит, как говорят, по ровному месту. Минг-уй расположен в узком ущелье или, пожалуй, овраге. Этот овраг в $\frac{1}{4}$ версты⁸⁵ выше его выхода на равнину разветвляется сначала на 2 ветви, а затем главная ветвь — еще на две. В середине между разветвлениями — неразмытый кусок, на котором построен монастырь, окруженный стенами и возвышающийся над равниной сажень на 20⁸⁶. Около монастыря вверху, немного ниже и около холмов по другую сторону оврага и, главным образом, на нижней террасе около оврага и расположены пещеры. Их всего более десятка, но все разрушившиеся или засыпанные, и остатки фресок сохранились лишь в 2^x–3^x. К с[еверу] от монастыря, по другую сторону оврага один холм был обделан в форму пирамидальной ступы. На нем видны три ряда ниш, а у основания ступы — пещера с сохранившимися остатками фресок. Около пещеры — следы разрушившихся построек. Другая пещера, с остатками фресок, к в[остоку] от монастыря на одном с ним уровне или немного ниже. Третья пещера на нижней террасе. Здесь, вероятно, было несколько и притом самых главных пещер, но они обрушились и засыпались. От одной из них, где сохранилась лишь задняя стенка, я немного покопал. Пол выстлан большим обожженным кирпичом дюйма в $1\frac{1}{2}$ ⁸⁷ толщиной и сверх их еще залит слоем гипса в 1 дюйм⁸⁸.

Монастырь занимает всю вершину между⁸⁹ неразмытого пространства между оврагами и окружен стеной в виде неправильного четырехугольника сажень 20–25⁹⁰ в стороны. Она была построена частью из кусков камня, частью из саманного кирпича. Где был выход — сказать трудно. Внутри стен пространство не ровное, а с довольно сильной, воронкообразной покатыю на Ю-S⁹¹, где, в западной стене, близ угла южной, у основания стены отверстие, как бы для стока воды. Постройки были расположены вдоль S.⁹², с[еверной] и в[осточной] стен. Здесь груды мусора и следы пожарищ. Сопровождающий меня русский подданный Мир-шариф, давнишний кучинский житель, показывал мне в одной из построек у в[осточной] стены не-

большую нишу, где 10 лет назад им была найдена книга, переданная аксакалу, а последним — консулу Петровскому.

Когда идешь по дну оврага и его разветвлениям шириной едва сажени в 2⁹³, то во многих местах видны подземные промоины, точно трубы, открывающиеся в овраг. Поднявшись со дна оврага на террасу (сажени 3–4⁹⁴), на которой были главные пещеры, то, как на террасе, так и по ложкам выше, поражает большое количество валяющихся кусков дерева, по-видимому, от постройки. Особенно много небольших, с продолбленными сквозными отверстиями на концах, некоторые из которых торчат из земли. Поднявшись еще выше, на самый верх, где находишься почти на одном уровне с монастырем, видишь, что идущий здесь ряд вершинок или холмиков не есть водораздельный и что из котловин за ним идут через седловинки этого ряда глубокие подземные промоины, выход которых и представляют те трубы, что видел на дне оврага.

Все наводило на мысль, что здесь велось водяное хозяйство и что были подземные или углубленные водостоки, обделанные деревом. На нашей террасе я покопался в одном месте и действительно нашел укрепленный деревом водосток, который вывел, по-видимому, к разрушившейся пещере в песчаниковой стене, окружающей эту террасу, т[ак] к[ак] тут встретился залитый гипсом пол. Должно быть, здесь некогда существовали ключи, которые были частью собраны карысскими арыками, частью пущены по верху, укрепленные настилкой и защищенные крытыми галереями (очень много валяется точеных балясин). В одном месте на нижней террасе глубокая промоина в виде колодца; другая такая же промоина, еще более глубокая, в седловине около самого монастыря. Возможно, что это были цистерны-колодцы, из которых брали воду.

Теперь ключей нет и следа. На дне оврага растет одиноко несколько терновых деревьев. Кто-то, очевидно, недавно, выкопал ямку в аршин глубиной⁹⁵, и на дне ее стоит вода.

Тачжитское общежитие, хотя и не большое, было некогда, по-видимому, прекрасно и богато обставлено. Но исчезли обитатели пещер, и неподдерживаемые и незащищаемые ключи прорыли себе другие пути, ушли под землю, и цветущий уголок превратился в пустыню.

Из Тачжита я переехал в Кумтуру, где прожил более 1½ месяцев. Не стану описывать кумтуринского Минг-уя, письмо без того затянулось. Да это и сделает с большим умением Грюнведель. Скажу лишь несколько слов о единственной пещере, не тронутой ни современным варварством, ни современной цивилизацией. В нее, по-видимому, не проникали ни местные жители, ни японцы и немцы. Она на видном месте (в 1 м ущелье), но в нее трудно попасть — нужна лестница и веревка. На вид же ничего не обещает. Обвалившийся потолок и обмытые дождем и буранами стены. Она была засыпана аршина на 1½⁹⁶, и я ее очистил. Внизу оказалось в сравнит[ельной] сохранности несколько фресок. Пещера была ограблена, вероятно, вскоре после мусульманского нашествия. Ограблена, должно быть, не мусульманами.

Глаза не выколоты, и фрески без нужды не испорчены. Со всех их только аккуратно, ножом, соскоблена позолота. Сохранился лишь небольшой кусок плафона под куполом, и здесь снято золото. Очевидно, оно снималось, когда пещера была в целости и когда по деревянным постройкам в ней можно было легко добраться до купола, плафона и верха стен (саж[ени] 2⁹⁷). Со стен фрески смыты дождем и буранами, но видно, что они не были испорчены, и на оставшемся саманном слое видны еще следы контуров и желобообразных углублений от снятия позолоты, главным образом, на венчиках и платьях будд. Единственная порча, не объясняемая жадой наживы, которую я заметил, это прочерченный на одной фигуре другой, темный и мелкий овал лица. Может, грабитель обладал художественным вкусом. Лицо показалось ему слишком длинным и широким и, чтобы проверить впечатление, он вычертил другой овал. Крупное дерево было ограблено, вероятно, в то же время. Нашлись лишь 2 крупных лежки для стоек, 4 больших клина, куски деревянного орнамента и длинные деревянные бруски, вершка по 2⁹⁸ шириной, залитые в гипсовом полу и выдавленные из пола на 1 дюйм⁹⁹. Бруски эти, окрашенные в красный цвет, разделяли пол пещеры как бы на 2 concentрических двора.

Пещера, по-видимому, строгого церковного индийского стиля. Очень хорошего, но монотонного академического письма. Все квадратики панно в аршин (в 6 рядов) с буддой на престоле в середине и с 4^{мя} фигурами (с 5^и) по углам. Лицо будды всегда в $\frac{3}{4}$, обращенное к одной из фигур, приносящей дары. Особенность — это обилие голых фигур мальчиков или юношей с неприкрытыми половыми частями.

Во всем Минг-уе подобную фигуру я встретил лишь в пещере рядом, тоже индийского стиля. Но там фигурка более наивна и поэтична. Здесь — всё голые балбесы с женским телом, более похожие на бога танцовщиков, чем на наивных юношей и детей. Пещера была буквально залита золотом. Все венчики будд и др[угих] персонажей, плоть будд сплошь, сережки, ожерелья и даже мелкий орнамент — все было позолочено. Судя по кусочкам позолоты и красок, сохранившихся в мусоре, пещера была чуть ли не заново отделана в то время, как буддизм был смыт мусульманской волной. В ней было благолепие и блеск, но от нее веет холодом и, на мой взгляд, нет следа наивной поэзии верующих живописцев.

Может быть, буддизм был захвачен мусульманством в пору его высшего расцвета, расцвета, за которым наступает упадок, если он уже не наступил раньше. Это обилие тур, иногда громадных, великолепные храмы и Минг-уй, все в шелку и золоте, конечно, стоило населению очень дорого. Такие громадные непроизводительные затраты на поэзии и искусстве не проходят даром и, может быть, объясняют и успех мусульманского нашествия.

Пора кончать.

Ваш Березовский.

Ни от Вас, ни от кого-либо не получал ни одного письма, изнываю в неизвестности.

№ 6 (л. 15–16об.)

[Без даты]

Получено 20 июля¹⁰⁰

Многоуважаемый Сергей Федорович,

На днях получил письмо от Грюнведела и спешу послать его Вам. Оно освещает и дает определенный, несомненный смысл всему происшедшему. Я много смеялся, читая его. Как Вам нравится: «Что Вы сказали о втором пункте — тоже совершенно верно — но — извините — я тому не виноват». Или объяснение, что, если бы он оставил работы в Кизиле, то уничтожил бы все сделанное до сих пор и «разуверьтесь — Вы найдете еще в Кизиле дубли-ты самолучших фресок, и также в Кирише»¹⁰¹. Как тут в напущенном тумане может, чтобы воспользоваться предполагаемым невежеством оппонента, ясно чувствуется, что знает кошка, чье мясо съела. Какое квази-наивное смешение в одну кучу изучения и коллекционирования для музея. Было бы грехом против Духа святого уничтожить труд такого, действительно выдающегося ученого, как Грюнведель. Но кто же мешает изучать? Изучай, сколько душа просит, фотографируй и калькируй, но зачем же прятать в кармане? А дублеты? Как будто фрески берут для музеев только за сюжет и трактовку, а не за хорошее письмо и сохранность, как образчики манеры писать, искусства, что не передаст вполне никогда ни фотография, ни калька. Впрочем, в этом случае Грюнведель отчасти прав. Во всех музеях оставляют лучшие экземпляры для себя, а второстепенные и плохие предназначенные для мены и подарков, — называют дублетами. Что в Кизиле многие самолучшие пещеры оставили невредимыми и что при этом имелись в виду друзья-русские¹⁰² — охотно верю¹⁰³. Ни один порядочный немец не донашивает сапог до полной негодности, а вовремя остановится и скажет: «Ну, довольно: надо их подарить Карлу (слуге), они еще достаточно хороши для него». Грюнведель благодарит за решение, т[о] е[сть] за то, что я не послал копию с протеста прямо Пешелю¹⁰⁴ в Берлин, как хотел. Но он благодарит напрасно. Я сделал это не для него. Вначале я чувствовал лишь личное оскорбление, как человек, которому насрали (простите) на самую маковку. Но потом остыл и понял, что кроме меня замешаны и другие, решать за которых я не имею права, и что бывают положения, когда после плевка в лицо приходится не подымать [нрзб.], а молча утереться. В первом, ответном на протест, письме Грюнведела звучит в отношении меня наглая нотка. Он сваливает все на меня, говорит, что он не делал секрета из своих намерений ехать в Кизил, и что если бы я предупредил его, не поехал бы и в Кизил. В пандан к этому и глупое сожаление, что такая маленькая поездка произвела такой диссонанс и еще более глупое рассуждение об уважении к возрасту. Тон последнего письма уже иной. Он понял, что вывернуться нельзя и, если пытается, то только для проформы; не стоит: «но извините — я этому не виноват», — протест же Пешелю не послан.

В Петербурге я имел смутное представление о Турфанской экспедиции и думал, что она послана Берлинским музеем вроде того, как я — Русским Комитетом¹⁰⁵. Оказывается, это не так. Лекок, а теперь, вероятно, Грюнведель, отчитываются прямо перед Министерством. Последнее смотрит на них как на чиновников¹⁰⁶, понукает и подтягивает вожжи. Последняя высылка денег была, например, обусловлена выездом экспедиции из Кашгара. Только когда она выехала оттуда и телеграфировала — деньги были переведены. Таким образом, это имперская экспедиция. Экспедиция для возвеличения славы германского отечества и для пополнения его музеев, чтобы блеск их затмил музеи других стран. Имперское дело должно быть обставлено наилучшим образом. Нужен специалист, чтобы экспедиция вывезла действительно материалы первого сорта. Поэтому, вероятно, и предложено было ехать Грюнведелю. Насколько я понял из рассказов Лекока, предложение было сделано еще два года назад, но тогда он отказался и рекомендовал последнего. О том, что Грюнведель едет в качестве начальника правительственной экспедиции, я не имел понятия в Петербурге. По-видимому, не знали и Вы, да и в Комитете об этом никто не обмолвился. Если так, то было ли в этом со стороны Грюнведеля сознательное умолчание или же инстинктивная хитрость? Склонен к последнему. Может, он сам в начале не понимал требований того положения, в которое становился. Интересы его, как ученого, конечно иные, чем имперского коллектора. Его влекло исследовать Минг-уй Восточного Туркестана в их совокупности, начиная с запада. Но тут загвоздка в виде соглашения между Комитетами. Он начал робко, с частного письма Вам, выражая желание исследовать кумтуринский Минг-уй¹⁰⁷. Но, чем дальше, тем меньше можно говорить о невольной ошибке и bona fides его поступков. Хотя и полуманьяк, но, прежде всего, добрый немец (у которого это в крови), он скоро понял, что хозяин даром денег платить не станет и что для него нужны не такие ученые спекуляции и выводы, а прежде всего толстые тюки первосортного товара. Несомненно, что в главных Минг-уях Кучинского района Кумтуры, Кизиле и, частью, в Кирише, немцы сняли все еще оставшиеся после японцев сливки и обобрали весь выдающийся и более или менее легко доступный музейный материал. У Турфанской экспедиции постоянно работало не менее 15–20 человек рабочих. И это не для очистки засыпанных фресок, а для отыскания лепных фигур и орнамента, а, главным образом, — книг. В Кизиле ей повезло, и она нашла одну, как говорил Лекок, а, может, и много, как говорит молва. Издалека Вам может показаться, что я нервничаю и преувеличиваю. Что мне все равно было бы не под силу взять то, что взяли немцы, и немало смешно ворчать, как собака на сене. Но это не совсем так, если даже ограничиться только фотографированием. Грюнведель плакал, что за три года, как он видал кумтуринский Минг-уй, последний после визита японцев стал неузнаваем. Каков же он теперь? Мне говорили, что после 3^х–4^х дневных работ немцев в Кирише оказалось, кроме снятых фресок много свежеспорченных, исцарапанных и исковерканных, и приписывали эту порчу, будто бы намеренную, — немцам. Последнему я, конечно, не ве-

рю. Но факт свежей порчи фресок, полагаю, несомненен и имеет свое объяснение. Посещение Минг-уев туземцами никогда не проходит бесследно. Грамотный что-нибудь напишет, безграмотный — приложит руку или просто ковырнет. У немцев же, как я сказал, постоянно работает 15–20 человек рабочих. Кроме того, при снимании фресок всегда приходится портить соседние, да и не всякую удастся снять¹⁰⁸. Иногда они ломаются и бросаются. Понятно поэтому, что после ученых исследований Минуй имеет вид, точно по нему только что Мамай с Ордой прошел. В пещерах накопаны волчьи ямы, на стенах зияющие раны и царапины, а в откосах от выбросов — свежие обломки фресок и орнамента.

От древних развалин, остатков от разрушения, пожаров и грабежа, но прикрытых веками и прахом, веет всегда какой-то грустной поэзией. Человеческая алчность и глупость представляются тут в стихийной форме. Но, когда натыкаешься на свежие следы часто бездельных разрушений, — это вызывает иное чувство. Сжимаются кулаки, и на язык просится крепкое слово.

Меня история с немцами мучила и мутит до сих пор. Пришлось сыграть глупую роль резонера-повара в крыловской басне. «А Васька слушает, да ест»¹⁰⁹. Только занесет хлыст в виде заявления о посылке копии с протеста в Берлин, заставит Ваську уйти. Но он ушел не с пустым брюхом, а слопав почти все, что плохо лежало. Не утешает и то, что «все погибло, кроме чести»¹¹⁰. Каждый, кто познакомится поближе с историей, — расхохочется и скажет: «На то и щука в море, чтобы карась не плошал». Ну, довольно, больше не скажу ни слова. Постараюсь все забыть, если смогу. Не всякому это дано. Не дано было тростнику, постоянно шептавшему: «У царя Мидаса ослиные уши»¹¹¹.

Николай уезжает в начале июля. Он привезет метров 50 кальки и дюжины 20 негативов.

Фотографическим снаряжением не вполне доволен. Крайне неудобен треног. Но главное, чего не хватает, это головки для камеры. В пещерах приходится снимать с большим уклоном или прямо вверх. Установка берет много времени и всегда рискует что-либо поломать. Я уже сломал раз камеру, но, к счастью, так, что удалось хорошо починить. Работа идет медленно. Каждая съемка берет не меньше получаса. Сделав 12 — я сыт по горло. Фотографирование фресок представляет еще ту трудность, что условия освещения крайне разнообразны и иные в каждом отдельном случае. Нельзя откладывать проявление — иначе совсем не приспособишься к выдержке. Сначала у меня дело шло очень плохо, теперь немного получше. Этот месяц, до отъезда Николая, посвящу исключительно фотографии, а потом займусь другим. В Кучинском округе насчитываются более 60 городищ, из которых 4 — очень больших. Тур же никто не считал, и их, вероятно, гораздо больше. Надо все объездить и снять планы, если не всех городищ, то самых больших, и таких монастырей, как Дульдур акур¹¹² и Гумбас¹¹³, около Кумтуры, и Субашские¹¹⁴. Турами займусь особливо. Может, в некоторых и покопаюсь. Это

не будет стоить дорого, т[ак] к[ак] довольно 2–3 человек рабочих (1 р[убль] в день).

Беспокоит отсутствие писем. Будут ли высланы деньги? С отъездом Николая у меня осталось не более 600 р[ублей]. Как бы не пришлось бросать уже завезенные вещи и уезжать налегке.

Прилагаю снимки из пещеры, о которой писал. Три крупных фрески я взял. Снять было легко, но при спуске (сажень 6¹¹⁵) их поломали. Две, впрочем, более или менее уцелели (где Дон Кихот и Санчо Панса с голым мальчишкой). Стоит ли вывозить? Они тяжелы, и провоз обойдется дорого.

Письмо и каторжная работа для меня почти синонимы.

Ваш Березовский

№ 7 (Л. 17)

П[етер]б[ур]г. Академия наук Непременному секретарю Ольденбургу
Из Иркештама № 20
Принята 26 [XII] 1905

Накануне Рождества добрался благополучно до Иркештама¹¹⁶. Шлю лучшие пожелания родным и друзьям.

Березовский

Примечания

¹ Подробнее об истории изучения Восточного Туркестана см.: *Литвинский Б.А.* Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке // *Народы Азии и Африки.* 1982. № 1, с. 69–78; *Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* История изучения // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории.* М., 1998, с. 17–82.

² *Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* История изучения, с. 26.

³ Там же, с. 17.

⁴ Рассмотрение роли археологических экспедиций в борьбе за влияние в регионе, — в так называемой «Большой игре», которую Российская империя вела с Великобританией, даже самое краткое, не входит в задачи статьи; см. наиболее свежий обзор проблемы: *Gorshenina S.* L'archéologie russe en Asie centrale en situation coloniale: quelques approches // *Études pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire* / Ed. P. Burgunder. 2012. 1–2. P. 183–190.

⁵ Краткое описание фонда Березовского см.: *Назирова Н.Н.* Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока.* М., 1986, с. 26.

⁶ Например: *Березовский М.М.* Пещерные буддийские монастыри // *Архив востоковедов ИВР РАН.* Ф. 59. Оп. 1. Д. 26; *он же.* Дневник путешествий за 1907 г. // *Архив востоковедов.* Ф. 59. Оп. 1. Д. 13; *он же.* Орнаменты на фресках. Китайский Туркестан. Кучарский округ // *Архив востоковедов.* Ф. 208. Оп. 3. Д. 280.

⁷ Едва ли не наиболее полной является статья, опубликованная в сети интернет на портале «Природа Байкала»: *Ивушкин В.* «Китайский мандарин» из Сибири // <http://nature.baikal.ru/text.shtml?id=446>.

⁸ *Назирова Н.Н.* Экспедиции С.Ф. Ольденбурга... с. 25 (прим. 1).

⁹ Берг Л.С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л., 1929, с. 117–118.

¹⁰ Воробьева-Десятовская М.И. М.М. Березовский как археолог (По материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) // ВДИ. 2012. 2, с. 176–182.

¹¹ Назирова Н.Н. Экспедиции С.Ф. Ольденбурга... С. 25 (со ссылками на архивные документы).

¹² Здесь и далее в письмах имеется в виду оазисный город Куча (Ку-че), расположенный в округе Ак-су, административный центр уезда Куча Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая. В конце I тыс. до н.э. Куча была политическим и экономическим центром одноименного государства юэ-чжей, расположенного вдоль северной кромки пустыни Такламакан в бассейне Тарима, одним из важных перевалочных пунктов на Великом шелковом пути. В период распространения буддизма в Центральной Азии (в I–III вв. н.э.) в городе и в его округе были построены многочисленные буддийские святилища. Куча была центром распространения буддизма в Китае.

¹³ Хохлов А.Н. Изучение Восточной и Центральной Азии // История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. М., 1997, с. 358.

¹⁴ Изданных прижизненных публикаций Березовского совсем немного. В качестве едва ли не главных можно указать следующие: Барометрический дневник, веденный в городе Хой-Сянь, в южной части провинции Гань-Су, в Китае, в 1892–1893 годах г-ном LAUWAERT, католическим миссионером / сост. М.М. Березовский. СПб., 1898 (Записки Императорского Русского географического общества. По общей географии; Т. 33. № 3); *Березовский М.[М.]*, *Бианки В.[Л.]*. Птицы Гансуйского путешествия Г.Н. Потанина 1884–1887. Материалы по орнитологии Китая, главным образом южной части провинции Гань-су. СПб., 1891; *Березовский М.М.*, *Бианки В.Л.* Описание двух новых видов птиц из Западного Китая // Ежегодник Зоологического Музея Императорской Академии Наук = *Annuaire du Musée zoologique de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg*. Т. 5. 1900 (1901).

¹⁵ Анучин Д.[Н.] Археологические экспедиции в Восточном Туркестане // Землеведение. 1907. XIV. Кн. III–IV. С. 253–267; *он же*. Возвращение П.К. Козлова и его находки в Центральной Азии // Русские ведомости. 1909. № 204, с. 3; *он же*. Немецкие экспедиции в Средней Азии // Русские ведомости. 1913. 1 мая, с. 5; *он же*. Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // Новый Восток. 1923. 3, с. 399–404.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 15. Л. 1–2. Письмо частично опубликовано: *Бонгард-Левин Г.М.* Поэзия и историческая наука (К.Д. Бальмонт — Д.Н. Анучин — С.Ф. Ольденбург) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008, с. 589.

¹⁷ *Vorobyeva-Desyatovskaya M.I.* The Ancient Manuscripts from Eastern Turkestan in the St. Petersburg Collection: Some Results of Recent Research // *Tocharian and Indo-European Studies*. 1997. 7. P. 208.

¹⁸ О жизни и научной деятельности С.Ф. Ольденбурга см. в частности: Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986; «Молчать долее нельзя...» (из эпистолярного наследия акад. С.Ф. Ольденбурга) / Публикация и примечания М.Ю. Сорокиной // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3, с. 109–119; *Мясников В.С.* Образ академика С.Ф. Ольденбурга в документах его современников // *Scripta Grigorianna*. Сборник статей памяти академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2012 (в печати). Список работ Ольденбурга (см.: *Скачков П.Е.*, *Чижикова К.Л.* Библиография трудов С.Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург, с. 122–153) насчитывает более 500 монографий, статей, рецензий; обозначить, даже коротко, основные его публикации едва ли возможно.

¹⁹ В 1902 г. был создан «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении». В первый состав Комитета входили: Председатель — В.В. Радлов (после его смерти — С.Ф. Ольденбург), Товарищ председателя — В.А. Жуковский, секретари — В.В. Бартольд, Л.Я. Штернберг, остальные члены в разное время: С.Ф. Ольденбург, А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, А.В. Григорьев, В.Н. Васильев, К.Г. Зелеман, И.Я. Коростовцев, Д.А. Клеменц, П.А. Мелиоранский, Н.П. Остроумов, П.С. Попов, Э.Э. Ухтомский, Г.А. Эзов.

О деятельности Комитета см.: Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1904. Прибавление. Вып. 6, с. 6–10; *Ольденбург С.Ф.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1903. Книга 9; Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Азии. Харбин, 1910. Вып. 3, с. 249–250;

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. 1903–1909. СПб., 1910; *Бартольд В.В.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении // *Бартольд В.В.* Сочинения. Том IX. М., 1977, с. 503–509; *Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

²⁰ *Назирова Н.Н.* Экспедиции С.Ф. Ольденбурга..., с. 25.

²¹ Датировка работ Третьей турфанской экспедиции в разных работах варьируется; указанные даты даны в соответствии с: *Хромов А.Л.* Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос языки, религии. М., 1992, с. 274.

²² Альберт фон Лекок (Albert von Le Coq; 1860–1930) — немецкий путешественник, археолог, тюрколог. Л. работал ассистентом А. Грюнведеля в Этнографическом музее, возглавлял Вторую Турфанскую экспедицию (1904–1905) ввиду болезни последнего, а позднее — Четвертую. Из Восточного Туркестана Лекок отправил в Берлин около 360 кг. находок. Турфанская коллекция, выставленная в берлинском Этнографическом музее, погибла в результате бомбового удара англичан. Основные работы: *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*, vol. 1: *Die Plastik*, В., 1922; *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. Berichte und Abhandlungen der II. und III. Deutschen Turfan-Expedition*. Lpz., 1926; *Von Land und Leuten in Ostturkistan: Berichte und Abenteuer der 4. Deutschen Turfanexpedition*. Lpz., 1928; *Buried Treasures of Chinese Turkestan: An Account of the Activities and Adventures of the Second and Third German Turpan Expeditions*. В., 1928 (Repr.: 1985); об археологической активности Лекока см.: *Hopkirk P.* Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Cities and Treasures of Chinese Central Asia. Amherst, 1980.

²³ Альберт Грюнведель (Albert Grünwedel; 31.07.1856–28.10.1935) — немецкий индолог — археолог и искусствовед, исследователь Центральной Азии. Г. — выпускник Мюнхенского университета (1876–1882); с 1881 — ассистент в берлинском Этнологическом музее (Museum für Völkerkunde); с 1883 заместитель директора; с 1904 — руководитель Азиатской секции. В 1899 Г. присоединяется к Русской археологической экспедиции в Туркестане; с 1900 — член-корреспондент Баварской академии наук, с 1901 — Восточного отделения Императорского русского археологического общества. В 1902–1903 и в 1905–1907 — руководитель Немецкой экспедиции в Турфан (отчеты см.: *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschahri und Umgebung im Winter 1902–1903*. В., 1905; АКАВ. XXIV; *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan*) (1912).

²⁴ Теодор Бартус (Theodor Bartus; 30.01.1858–28.01.1941) — немецкий мореплаватель, музейный работник. В 1902–1914 гг. — участник всех четырех Турфанских экспедиций под руководством А. Грюнведеля и А. фон Лекока. Разработал методику максимально бережного снятия фресок и надписей со стен пещерных храмов. В дальнейшем работал в Месопотамии и Индии; до конца жизни занимался обработкой новых поступлений в музейные фонды. О нем: *Grewolls G.* Wer war wer in Mecklenburg-Vorpommern? Ein Personenlexikon. Bremen, 1995. S. 32. *Knüppel M.* Theodor Bartus (1858–1941) — Anmerkungen zu seinem siebzigsten Todestag // *Pommern. Zeitschrift für Kultur und Geschichte*. 2010. 4. S. 14–18.

²⁵ *von Lecoq A.* Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. S. 109 (Anm. 1).

²⁶ Ошурков Василий Александрович (1868–1914) — публицист, редактор газеты «Восточное обозрение» (Иркутск) в 1890–1893 гг., краевед, юрист, член комитета Иркутского переселенческого общества; штабс-капитан. Летом 1902 г., во второй раз, по поручению и на средства Красноярского подотдела ВСО ИРГО совершил поездку в Туву для исследования Саянского хребта; см. *Ошурков В.А.* Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола. СПб., 1906.

²⁷ Имеется в виду Василий Васильевич Радлов (настоящее имя Вильгельм Фридрих Радлов, 5/17.01.1837, Берлин — 12.05.1918, Петроград) — выдающийся российский востоковед-тюрколог, академик (1884), председатель Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии; о нем см.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974, с. 194–198 (с литературой).

²⁸ Подчеркнуто М.М. Березовским.

²⁹ Подчеркнуто М.М. Березовским.

³⁰ Железнодорожная станция Черняево, в настоящее время — п.г.т. Хаваст в Сырдарьинской области к югу от Ташкента. Далее дорога на Андижан проходила в восточном направлении.

³¹ Город в Китайском Туркестане; в китайских источниках называется Сулэ или Чэши; с 1877 — столица Китайского Туркестана, место размещения резиденций российского и британского консулов. Кратко историю Кашгара см.: *Бартольд В.В. Кашгар // Бартольд В.В. Сочинения. Том III. Работы по исторической географии. М., 1965, с. 456–457.*

³² Терек-дабан (Терек-даван или Терек-баван) — перевал в восточной части Алайского хребта (совр. Кыргызстан), через который идет дорога на Кашгар из Ферганы и Оша.

³³ Перевал (3615 м) на Алайском хребте, соединяющий долину р. Гюльча на севере с Алайской долиной на юге (описание см.: *Pumpelly R. Explorations in Turkestan with an Account of the Basin of Eastern Persia and Sistan. Washington, 1905. P. 146–151.*)

³⁴ Имеется в виду Николай Федорович Петровский (1837–19.11.1908, Ташкент) — российский дипломат, востоковед. В 1882–1903 гг. — российский консул в Кашгаре. Н.Ф. Петровский за годы своей работы в Центральной Азии собрал значительную коллекцию предметов материальной и духовной культуры по истории региона. В частности, первый памятник тохарского языка был идентифицирован в начале 90-х гг. XIX в. именно в его собрании (см. *Иванов В.В. Памятники тохароязычной письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии. М., 1992, с. 222.*) О значении коллекции Петровского см.: *Ольденбург С.Ф. О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1910. XIX (1909), с. XXV–XXVIII; Хохлов А.Н. Указ. соч., с. 372–374.* О самом Н.Ф. Петровском красноречиво повествует некролог его памяти: *Ольденбург С.Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837–1908. Некролог // ЗВОРАО. 1912. XX, с. 1–8; см. также: Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П. История изучения, с. 34–35.*

³⁵ Сарто — язык сартов, т.е. ряда групп оседлых узбеков и равнинных таджиков, в основном — городского населения Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областей. Язык сартов (сарт-тили) — разновидность чагатайского языка. Первый русско-сартровский и сартовско-русский словарь составлен В.П. Наливкиным (1852–1818); издан в Казани в 1884 г.

³⁶ Революционное брожение в Центральной Азии в целом и в Ташкенте в частности имело вполне прочное основание: Туркестанский край был одним из мест ссылки осужденных за революционную деятельность. Так, в 1903–1906 гг. под надзором полиции здесь состояло 337 ссыльных. Пик волнений среди рабочих, прежде всего, железнодорожных, в 1905 г. пришелся на январь–февраль. Бастовали железнодорожники и в Ташкенте, и на упоминаемой в письме станции Черняево. Забастовки железнодорожников в Туркестане возобновились в октябре 1905 г. На волне протестов было даже образовано «Среднеазиатское отделение Всероссийского союза железнодорожных рабочих и служащих». Забастовки на Оренбург-Ташкентской железной дороге длились до 2 ноября. В ночь с 15 на 16 ноября восстали солдаты Первого Туркестанского резервного батальона и Ташкентского артиллерийского склада. По сообщениям правительственных газет, «мятежники произвели шум и стрельбу», «выражая порицание законному режиму». При подавлении же бунта было убито 4 человека и около 30 ранено. Почти 80 человек были осуждены за участие в бунте. Тем не менее, восстание спровоцировало рост протестов в Туркестане, и во второй половине ноября движение по железным дорогам в край снова было практически полностью остановлено. Частично движение было возобновлено 24 ноября; 29 ноября железные дороги в Туркестане были переведены на военное положение (см. более подробно: *История Узбекской ССР. Том I. Книга вторая. Ташкент, 1956, с. 243–268; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1965–1917). М., 1980, с. 74–80.*)

³⁷ Имеется в виду В.В. Радлов — председатель Русского Комитета.

³⁸ Имеется в виду Д.А. Клеменц (14.12.1847–08.01.1914) — российский путешественник, археолог, исследователь Сибири и Центральной Азии, революционер-народник. Учился в Казанском и Санкт-Петербургском университетах на физико-математическом факультете, из которого был исключен за революционную деятельность. В 70-е гг. XIX в. жил в эмиграции; в 1879 — арестован; два года провел в заключении в Петропавловской крепости; сослан в Якутию, ссылку отбывал в г. Минусинск, где подружился с Н.М. Мартяновым — основателем Минусинского краеведческого музея. Клеменц помогал Мартянову готовить экспедиции, обрабатывать коллекции музея. С 1883 г. участвует в полевых работах, выпускает книгу «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886), в 1887 был избран членом-корреспондентом Московского географического общества; с 1902 — хранитель Академического этнографического музея Императора Александра III (этнографический отдел Русского музея). Похоронен в Москве на Ваганьковском

кладбище; о нем в частности см.: См. о нем: *Дэвлет М.А.* Д.А. Клеменц как археолог // *СА.* 1963. № 4, с. 3–9; *Гольдфарб С.И.* Д.А. Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986; *Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* История изучения, с. 26–30; Пигмалион музейного дела. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца / Сб. под ред. И.В. Дубова. СПб., 1998.

³⁹ Имеется в виду Александр Васильевич Григорьев (1848–1908) — русский ботаник, этнограф, исследователь бассейна Белого и Мурманского морей; в 1883–1903 гг. — Секретарь Императорского географического общества. Посвятив всю жизнь изучению Севера и Дальнего Востока, А.В. Григорьев на закате своей научно-организационной деятельности отдал много сил подготовке центральноазиатской экспедиции Г.Ц. Цыбикова в 1899–1902 гг.; из-за отставки и кончины не успел довести до печати ее результаты. Будучи членом Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии основные усилия сосредоточил на изучении дальневосточных народов.

⁴⁰ Имеется в виду Н.Ф. Петровский.

⁴¹ Имеется в виду китайский чиновник высокого ранга, руководивший несколькими департаментами, контролировавший отношения с консулами европейских держав.

⁴² Березовский не преминул упомянуть о недомогании Грюнведела точно так же, как и сам немецкий археолог в отношении Березовского в своем письме к Ольденбургу от 21 мая 1906 г.: «Завтра я отправляюсь с караваном в Курлу, я постарался успокоить господина Березовского. Он очень страдает от «красной собаки» и потому потерял сон» (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед.хр. 179. Л. 28об.; публикацию см.: *Бухарин М.Д.* Письма А. Грюнведела С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // *ΕΥΓΝΩΜΟΝΩΣ*. Сборник памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2012. В печати). Едва ли такого рода сведения передавались Ольденбургу из чувства сострадания к коллеге, скорее — из желания лишний раз унизить конкурента.

⁴³ Встреча в Кашгаре в декабре 1905 г. Лекока, Грюнведела и Бартуса положила начало работе Третьей немецкой турфанской экспедиции, в которую «плавню перетекли» работы Второй.

⁴⁴ Возможно, имеется в виду современное село Турдюк, расположенное в Аксыйском районе Джалалабадской области Кыргызстана.

⁴⁵ Имеется в виду Дмитрий Александрович Клеменц (о нем см. выше).

⁴⁶ Данное выражение происходит от нем. *Schafkopf* («Баранья голова») — названия немецкой карточной игры, особенно популярной в Баварии. В обиходном разговоре данное выражение аналогично русскому «дурак» — и обозначению карточной игры, и оскорбительной характеристике. Березовский ошибочно пишет «шафскопф», вставляя излишний соединительный -s.

⁴⁷ М.М. Березовский в молодости сам был не чужд революционной деятельности: он являлся членом нечаевского петербургского кружка Старицына, был арестован 21 декабря 1871 г. привлекался по делу Нечаева и был причислен к Третьей группе его сообщников. В мае 1871 г. судебное преследование против Березовского прекращено определением гражданским кассационным департаментом Сената за недостатком улик. Конечно, в письме к С.Ф. Ольденбургу — крупному чиновнику, хотя и придерживавшегося в целом либеральных взглядов, — Березовский не мог признаваться в симпатиях к революционной деятельности и антиправительственным высказываниям Клеменца.

С другой стороны, консул Н.Ф. Петровский также не был чужд революционной деятельности. В июле 1862 г. он был обвинен в связях с революционными кругами за границей, в частности в Лондоне, приговорен к году заключения, однако срок пребывания под следствием ему был зачтен, и в декабре 1863 г. Петровский был выпущен на поруки своего друга, крупного земского деятеля Д.Д. Дашкова. О Петровском и его дипломатической деятельности см. в частности: Петровский Николай Федорович // Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1989, с. 189–190; «Вы посылаетесь в страну, которую мы мало знаем». Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского / Публ. Д.Ю. Арапова // Источник. Документы русской истории. 2002. № 6 (60). 2002, с. 52–56; «С китайцами мы живем пока ладно». Письма русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского к Д.Ф. Кобеко. 1883–1895 гг. / Публ. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2007. № 1, с. 167–196.

⁴⁸ Ласточкин Владимир Гурьевич (1871–1920) — выпускник математического факультета Казанского университета и Московского пехотного юнкерского училища (1892); окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899); с 1903 — штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа, подполковник; в 1904–1906 — офицер Генерального штаба при Импе-

раторском российском генеральном консульстве в Кашгаре; с 1907 — полковник. Ласточкин являлся «негласным агентом» ГШ в Кашгаре; в его обязанности входил сбор сведений военного и географического характера о Китайском Туркестане и прилегающих территориях — Индии и Афганистане, а также руководство консульским конвоем. Среди знаменитых предшественников Л. на этой должности можно назвать Л.Г. Корнилова, занимавшего ее первым, в чине капитана, в 1899–1901 гг. Дальнейшая карьера Л. связана со службой в Туркестане и на Кавказе. В апреле 1920 г. арестован, вывезен из Пятигорска в Псковский концлагерь, 12 августа приговорен к ВМН и расстрелян в тот же день.

⁴⁹ Имеется в виду сэр Джордж Макартни (Macartney George; 1867–1945) — наполовину китаец, «Политический представитель индийского правительства» (Indian Government's Political Representative), Генеральный консул Британии в Кашгаре. Супруга М. принимала участие в деятельности археологических экспедиций в Туркестане, а отчеты британских экспедиций публиковались в серии «Indian Government Publications». О нем см.: *Skrine C. Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918.* L., 1973.

⁵⁰ Местечко на одном из ответвлений древнего пути из Каракорума в Хотан; краткое описание см.: *Dutreuil de Rhins J.-L. Mission scientifique dans la Haute Asie. 1890–1895. Deuxième partie. Le Turkestan et le Tibet. Étude ethnographique et sociologique* par F. Grenard. P., 1898. P. 207.

⁵¹ Имеется в виду сэр Марк Аузел Стейн (Marc Aurel Stein; 1862–1943) — выдающийся британский археолог венгерского происхождения, исследователь Среднего Востока и Южной Азии; участвовал в центральноазиатских экспедициях 1900, 1906–1908, 1913–1916 и 1930 гг., первые три из которых были нацелены на изучение Восточного Туркестана. Главное открытие — «Пещеры тысячи Будд» рядом с Дуьхуаном (1907). Автор многочисленных публикаций. Березовский, вероятно, имеет в виду карту из книги Стейна «Sand-Buried Ruins of Khotan. Personal Narrative of a Journey of Archaeological and Geographical Exploration in Chinese Turkestan» (L., 1904). О нем и его научной деятельности в частности см.: *Лутвицкий Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* История изучения, с. 43–48; *Whitfield S. Aurel Stein on the Silk Road.* L., 2004.

⁵² Роберт Лемуан Барретт (Robert Lemoine Barrett; 1871–1969) — американский путешественник; оставил учебу в Гарвардском университете (1893) ради путешествий по территориям канадских индейцев; вернулся в США, закончил университет (1898), исследовал горные районы Северной Америки. В 1901 устроился на работу в крупную торговую кампанию своего отца, однако уже в 1902 оставил работу ради путешествий по России (Москва, Иркутск, Енисейск, Алтай, Семипалатинск), Центральной и Южной Азии (Гималаи); в 1903 прошел на юг по Волге до Каспия и дошел до Тянь-Шаня; в 1903–1904 снова путешествовал по Северной Америке; с 1905 — член Американской ассоциации географов; в сентябре 1905–1906 — путешествовал с Э. Хантингтоном (см. след. примеч.) через Центральную Азию: Барретт остался к северу от Гималаев в бассейне Тарима, а Хантингтон ушел в Гималаи. В дальнейшем путешествовал в Восточной Африке, Южной Америке, Гималаях. Автор многочисленных увлекательных книг, основанных на собственных путешествиях; см. о нем: *Martin G.J. Robert Lemoine Barrett, 1871–1969; Last of the Founding Members of the Association of American Geographers // The Professional Geographer.* 1972. 24. 1. P. 29–31.

⁵³ Элсворт Хантингтон (Ellsworth Huntington; 16.09.1876–17.10.1947) — американский географ, профессор Йельского университета; возглавлял целый ряд американских географических обществ; известен как разработчик теории географического детерминизма. В 1903 и в 1905–1906 гг. участвовал в деятельности американских экспедиций Р. Пампли и Берретта в Восточный Туркестан. Автор книги «The Pulse of Asia. A Journey in Central Asia Illustrating Geographic Basis of History» (Boston; New York, 1907), посвященной описанию этих путешествий.

⁵⁴ Ладак (или Ладакх; досл. — «страна перевалов») — горная область на территории совр. Северо-Западной Индии (штат Джамму и Кашмир) между горными системами Куньлунь, за которым начинается Восточный Туркестан, и Гималаи. На востоке Л. граничит с Тибетом. В древности и раннем средневековье через Ладак проходил Великий Шелковый путь.

⁵⁵ Березовский имеет в виду горный хребет Карангутаг («Гора ослепляющей черноты»; высшая точка 7013 м) и одноименное труднодоступное поселение, упоминаемое как перевалочная база, в частности, в отчете об экспедиции А. Стейна (*Stein M.A. Preliminary Report on a Journey of Archaeological and Topographical Exploration in Chinese Turkestan.* L., 1901. P. 24). Карангутаг входит в сис-

тему гор Кунь-лунь, которая тянется к северу от Тибета от Памира с запада на восток до Сино-тибетских гор. Вдоль северных хребтов Кунь-луня на протяжении нескольких сот километров действительно имеются месторождения золота; см.: *Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И.* Горное дело. Ремесло // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: хозяйство, материальная культура. М., 1995, с. 10–11. Карангутаг также богат нефритом; см.: *Богданович К.И.* Геологические исследования в Восточном Туркестане. СПб, 1892 (Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 под началом М.В. Певцова. Часть II), с. 19.

⁵⁶ Т.е. к югу.

⁵⁷ В Восточном Туркестане работали три японские экспедиции под руководством Сёсина Отани (1902–1904), Дзюйтё Татибаны и Эйдабуро Номуры (1908–1909) и вновь под руководством Татибаны в 1910–1914 гг. Главной заслугой Первой японской экспедиции является находка буддийского храмового комплекса в Кизиле. К сожалению, значительная часть находок погибла прямо на месте раскопок в результате землетрясения. См. в частности: *Galambos I., Kitsudō Kōichi.* Japanese Exploration of Central Asia. The Ōtani Expeditions and their British Connections // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* 2012. 75. P. 113–134.

⁵⁸ Порт Германн (Pohrt Hermann) — китаист, ассистент-переводчик А. Грюнведеля.

⁵⁹ Имеется в виду Сергей Александрович Колоколов (1868–1921) — дипломат, на службе в МИД с 1895 г., драгоман консульства в Кульдже (1895), секретарь консульства в Кашгаре (1895), консул в Мукдене (1910); после 1917 г. — в эмиграции в Китае. К. за время службы в Кашгаре внес значительный вклад в собирание коллекции санскритских текстов из Восточного Туркестана. Оценка роли К. дана в: *Воробьева-Десятовская М.И.* Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии. М., 1992, с. 447. В Архиве востоковедов сохранилась переписка Колоколова с Ольденбургом (ф. 208, оп. 2, д. 725).

⁶⁰ Вопросам составления планов и чертежей раскопок Березовский посвятил отдельную статью «О некоторых вопросах археологической съемки применительно к условиям Китайского Туркестана», опубликованную, однако, лишь в 2012 г. (*Воробьева-Десятовская М.И.* М.М. Березовский как археолог, с. 176–182).

⁶¹ Видимо, именно этой рекомендацией воспользовался С.Ф. Ольденбург, когда в ходе первой экспедиции 1909–1910 гг. избрал дом Хала своей штаб-квартирой; см.: *Ольденбург С.Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914, с. 56.

⁶² Березовский имеет в виду, что только некоторые пещеры к моменту написания письма не были затронуты раскопками.

⁶³ Цитата из «Гаврииады» А.С. Пушкина неточна. Правильно: «По счастью проворный Гавриил / Впилился ему в то место роковое / (Излишнее почти во всяком бое)...».

⁶⁴ Турфан (урфāt), в местном произношении — Турпан: город, расположенный в оазисе между впадиной Лукчуна и Тянь-Шанем. Турфан имел важнейшее торговое и политическое значение как важнейшего торгового и политического центра, соединявшего Китай с цивилизациями Запада. Древние поселения располагались, однако, в стороне от современного Турфана — западнее и восточнее от него. Турфан был вновь «открыт» для европейской науки в 1879 г., когда его посетил А. Регель. Кратко историю Турфана см.: *Бартольд В.В.* Турфан // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М., 1965, с. 521–523.

⁶⁵ Кумтура (уйг. — «ориентировочная башня») — местность, в которой располагается комплекс «Пещер тысячи будд». К. лежит приблизительно в 25 км от оазиса Куча. До настоящего времени сохранились остатки более 100 храмов (V–XI вв.). В настоящее время комплекс храмов К. внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁶⁶ Шаяр — название уезда в округе Ак-су (совр. Синцзянско-уйгурский автономный район Китая), образованного в 1902 г.

⁶⁷ Тонгуз-баш — разрушенный город к юго-западу от Кучи с руинами буддийских святилищ.

⁶⁸ Имеется в виду созданный в 1902 г. «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении».

⁶⁹ Здесь Березовский сделал сноску внизу страницы: «Во время моей трехнедельной экземной страды в Куче я часто виделся с Леококом, приехавшим несколько раз и остававшимся на несколько дней. Поэтому я из всех немцев ближе всего с ним познакомился, пожалуй, сошелся. Я нашел в нем

практического и умного человека, много видевшего и наблюдавшего, с которым не только приятно побеседовать, а, пожалуй, и вести дела».

⁷⁰ Здесь и далее имеется в виду Николай Матвеевич Березовский (03.12.1879–1941) — двоюродный брат М.М. Березовского, выпускник Института гражданских инженеров, архитектор и художник, обычно сопровождавший его во время экспедиционных работ. В частности им был разработан проект Буддийского дацана в Санкт-Петербурге, построенном в 1909–1915 гг. О нем см. в частности: *Андреев А.И.* Об авторе проекта Буддийского храма в Петербурге // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб.: Акрополь, 1995. Вып. 3, с. 44–51 (статья страдает определенными неточностями и пропусками: год смерти Н.М. Березовского в ней не указан).

⁷¹ Селение в приблизительно 40 км на восток–северо-восток от Кучи.

⁷² В своих письмах к С.Ф. Ольденбургу не мог условий работы Прусской турфанской экспедиции и договора с Русским Комитетом не коснуться и сам А. Грюнведель. Вот, что писал в письме от 21 мая 1906 г. (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед.хр. 177. Л. 28–28 об.; публикацию см. *Бухарин*. Указ. соч.): «Жалобы! Господин Березовский отправил мне позавчера в Кириш⁷² протест. Из него я вижу, что Ваше разрешение мне работать у Кучи, должно быть ограничено Кумтурой, и что оно исходило не от Комитета⁷² в полном составе. Я, однако, хорошо помню, что данное позволение было мне дано в Санкт-Петербурге без подобного ограничения. Кроме того, всякий раз я ставил в известность господина Березовского, он же мне не говорил, что я на это не имею права. Что же касается Кириша, то я смог сделать сообщение лишь его сопровождающему, прекрасно зарекомендовавшему себя в качестве художника. В ответ на его протест я немедленно остановил работы там и вернулся в Кучу»

⁷³ Досл. «на доброй вере»; лит. — «добросовестный», «честный» (лат.).

⁷⁴ Мин-уй (досл. «тысяча домов»; в написании Березовского — Минг-уй) — комплекс из нескольких сотен пещерных буддийских святилищ в округе Кизыла. До прибытия Второй Турфанской экспедиции под руководством Лекока и экспедиции Березовского Мин-уй исследовал лишь японский археолог Козуи Отани. Находки в Мин-уй представляли собой как шедевры настенной живописи (фрески), так и книги на пальмовых листьях, бересте и бумаге.

⁷⁵ Данный фрагмент письма Березовский сопроводил ссылкой внизу страницы: «Верстах в 2 к ю[гу] S. от деревни-Тура и еще немного к югу городище Уч-кот. Это был большой город, т[ак] к[ак] стены, хотя не сплошные, захватывают больше квадр[атной] версты. Здесь до сих пор после буранов находят обломки золотых украшений. Я съезжу сюда осенью, чтобы снять планы. Прилагаю отпечаток нефритовой печатки, найденной около Уч-кота и купленной мной вместе с серебряной мусульманской ложечкой».

⁷⁶ Т.е. к югу.

⁷⁷ Вероятно, Березовский имеет в виду местечко по дороге из Кумтуры а Таджик, которое С.Ф. Ольденбург именует Шойлук-шер (*Ольденбург С.Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года, с. 73); в нем имелись руины буддийского монастыря.

⁷⁸ Данный фрагмент письма Березовский сопроводил ссылкой внизу страницы, надписанной над предыдущей ссылкой: «Я их не осматривал. Возможно, что они более позднего времени. Интересно, что среди старинных монет, которые приносили продавать в Юлдус-бае, в большом количестве попадались монеты Юаньской династии различных величин. Других старинных китайских монет, кроме ханьских, не видел. Последние нередки».

⁷⁹ Дорога из Кучи на запад и юго-запад через Кара-юлгун идет вдоль кромки хребта Кок-Шал и выводит к Ак-су и далее разветвляется на Кашгар (севернее) и Яркенд.

⁸⁰ В данном случае Березовский имеет в виду старейшину мусульманской общины, обычно принадлежащего к суфийскому или дервишскому ордену.

⁸¹ Даванкум — село в окрестностях Таджита.

⁸² О значительной роли «кладоискателей» («treasure-seekers») в собирании хотанской коллекции Британского музея, не стесняясь, пишет А. Стейн (*Stein A. Preliminary Report... P. 20–23, 28, 30, 34 и далее*).

⁸³ Приблизительно 1,9 см.

⁸⁴ Приблизительно 13,35 см.

⁸⁵ Приблизительно 266,75 м.

⁸⁶ Приблизительно 21,6 м.

⁸⁷ Приблизительно 3,81 см.

⁸⁸ Приблизительно 2,54 см.

⁸⁹ Березовский вносил исправления в эту фразу; вероятно первое слово «между» по недосмотру оказалось невычеркнутым.

⁹⁰ Приблизительно 43–45 м.

⁹¹ Т.е. на юг.

⁹² Т.е. южной.

⁹³ Т.е. ок. 4,3 м.

⁹⁴ Т.е. ок. 6,5–8,6 м.

⁹⁵ Т.е. чуть более 70 см.

⁹⁶ Т.е. приблизительно на 1 м.

⁹⁷ Т.е. ок. 2,3 м.

⁹⁸ Т.е. ок. 9 см.

⁹⁹ Т.е. на 2,5 см.

¹⁰⁰ Отметка сделана, вероятно, рукой С.Ф. Ольденбурга.

¹⁰¹ Об этом же пишет Березовский Ольденбургу в ранее опубликованном фрагменте письма от 18/31 октября 1906 г. из Кучи: «Не солоно хлебавши в байских пещерах, я на обратном пути заехал и в кизильские. Здесь опять подновилось скверное чувство к сентиментальной немецкой каналье, так ловко натянувшей нос друзьям-русским. Хотя Грюнведель и писал, что им „оставлены многие само-лучшие пещеры невредимыми“, но это не так. Мин-уй, можно сказать, вывернут немцами наизнанку, так, как это можно сделать, работая три месяца с 15–20 рабочими ежедневно. Возможны, конечно, кое-какие находки и теперь, но это дело чистого случая» (*Хохлов А.Н.* Изучение восточной..., с. 358.)

¹⁰² Данный фрагмент письма Березовский сопроводил примечанием внизу страницы: «Николай видел Грюнведела перед отъездом в Кириш. Он рассказывал про Кизил, советовал туда съездить и говорил: „Мы фам там много оставили“». Возможно, слово «фам» вместо «вам» — не описка; таким образом Березовский мог попытаться иронично передать акцент Грюнведела.

¹⁰³ И сам Грюнведель пишет об этом же в письме С.Ф. Ольденбургу от 21 мая 1906 г. приблизительно теми же словами: «Что же касается Кизила, то господин Березовский найдет там еще три полностью сохранившиеся пещеры и, определенно, не самые худшие, — это дублиеты тех пещер — часто по три, по четыре, которые повторяются и в других местах» (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед.хр. 177. Л. 28об.; публикацию см.: *Бухарин М.Д.* Письма А. Грюнведела...).

¹⁰⁴ Имеется в виду Рихард Пишель (Richard Pischel; 1849–1908) — крупный немецкий востоковед-индолог; в 1888–1902 П. занимал пост Управляющего делами и Библиотекаря «Немецкого восточного общества» (Deutsche Morgenländische Gesellschaft); с 1900 — ректор университета Халле; с 1902 — профессор кафедры индологии в университете Фридриха-Вильгельма (Берлин). П. возглавлял Турфанский комитет, занимая пост, аналогичный тому, который занимал В.В. Радлов в Русском Комитете. Таким образом, Пишель был начальником над Грюнведем и Лекоком, и угроза Березовского послать протест была весьма серьезна для Грюнведела.

¹⁰⁵ Имеется в виду созданный в 1902 г. «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении», упоминаемый выше.

¹⁰⁶ Весьма показательна выдержка из письма Грюнведела Ольденбургу, в котором слово «чиновник» написано, хотя и латиницей, но по-русски: «Вы видите, дорогой друг, что мне, как и тогда в Дакиане, гораздо ближе познание, чем грабеж, к которому человек, который так мало походит на чиновника, как я, и в котором в уже преклонном возрасте снова ожила страсть к бродяжничеству и скитаниям, должен был бы лучше подходить» (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед.хр. 177. Л. 28; публикацию см.: *Бухарин М.Д.* Письма А. Грюнведела...).

¹⁰⁷ Письма с таким содержанием в фонде С.Ф. Ольденбурга СПФ АРАН не обнаружено.

¹⁰⁸ Данный фрагмент письма Березовский сопроводил примечанием внизу страницы: «Поэтому надо поставить за правило фотографировать фреску прежде, чем снимать. Сомневаюсь, чтобы это делали германцы».

¹⁰⁹ М.М. Березовский цитирует басню И.А. Крылова «Кот и повар» (1812), в которой повар впустую пытается урезонить кота, не обращающего внимание на его нотации.

¹¹⁰ М.М. Березовский приводит русский перевод слов короля Франции Франциска I (1494–1547) из письма к его матери Луизе Савойской, отправленного после поражения французов в битве с испанцами под предводительством Карла V при Павии в 1525 г. В итоге этой битвы сам Франциск попал в плен. Сообщается, что письмо это состояло из одной строчки: «Tout est perdu fors l'honneur». Впервые опубликовано в 1837 г.

¹¹¹ Здесь Березовский ссылается на легенду о фригийском царе Мидасе, рассказанную, в частности, Овидием в «Метаморфозах» (XI. 146–193): Аполлон и Пан (вариант — *Hug. Fab.* 191 — сатир Марсий) состязались и игре на флейте. Грубая игра Пана Мидасу, случайно оказавшемуся на состязании, сатир Марсий больше, чем утонченное мастерство Аполлона. В отместку Аполлон вытянул уши Мидаса. Царь пытался спрятать их под головным убором. Об уродстве Мидаса знал только его раб-брадобрей, которому уже невольно было хранить эту тайну, хотя за раскрытие тайны ему грозила смерть. Тогда он выкопал ямку и прошептал в нее свой секрет. Из ямки вырос тростник, который, шелестя, повторял «зарытый» секрет брадобрея и тем ослабил незадачливого царя.

¹¹² Крупный буддийский монастырь в Кучинском оазисе на правом берегу Музарат-дарьи; исследован французской экспедицией под руководством П. Пеллио. Среди находок — рукописи, скульптура, настенная живопись. Кратко описание Дульдур-Акура дано самим П. Пеллио в его отчете и письмах с места раскопок; см.: *Senart É. Lettre de M. Pelliot sur les progrès de sa mission au Turkestan chinois // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1907. 51. 6. P. 270–272; Pelliot P. Rapport sur la mission au Turkestan chinois (1906–1909) // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1910. 54. 1. P. 61.*

¹¹³ Гумба — досл.: «мавзолей», «(погребальная) камера». «Гумба» также являлось обозначением наместника, руководителя области в Восточном (Китайском) Туркестане в резиденцией в Хами (*Dabbas J.A. History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. L., 1963. P. 73.*)

¹¹⁴ Храмовый комплекс Субаши в Кучинском оазисе состоит из двух монастырей, расположенных на противоположных берегах р. Куча; функционировали в IV–X вв. На планы Субаши, сделанные Березовским, и результаты его раскопок ссылался позднее С.Ф. Ольденбург (*Ольденбург С.Ф. Русская туркестанская экспедиция, с. 60–61*). Субаши также был фрагментарно исследован французской экспедицией П. Пеллио, деятельность которой кратко упоминает Ольденбург. К сожалению, его полевой дневник утерян в 1940 г. (*Hambis L. Civilisations et langues de la Haute Asie // École pratique des hautes études. 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1962–1963. 1962. P. 102*). Об исследовании комплексов Дульдур-акур и Субаши см.: *Douldour-Aqour et Soubachi / Ed. L. Hambis. P., 1967 (Mission Paul Pelliot. 3); Hallade M., Gaulier S. Courtois L. Douldour-Aqour et Soubachi. P., 1982 (Mission Paul Pelliot. 4).*

¹¹⁵ Ок. 13 м.

¹¹⁶ Иркештам — аул (в XIX в. — укрепленный пункт) на востоке Алайской долины на правом берегу реки Кузул-су при впадении в нее в. Мальтабар в Ошской области (совр. Кыргызстан; в XIX в. — Ошский уезд Ферганской области) на границе с Китаем в 250 км к западу от Кашгара и в 238 км от Оша, т.е. приблизительно на полпути. Построен в 1885 г. Стратегическое значение Иркештама объясняется тем, что из него контролировался путь из Китайского (Восточного) Туркестана в Фергану (перевал Терек) и в долину Большого Алая.